

Опять сочинение!

Сочинение писать не так уж трудно! К новости о том, что в декабре опять будет сочинение, все (и учителя, и ученики) уже привыкли. Тем более что тематические направления, как всегда, были объявлены в начале учебного года. Одно не очень удобно – нет конкретных тем, которые будут связаны с этими направлениями, о них школьники узнают только 3 декабря. И поэтому лёгкое волнение, переходящее в тягостное смятение, переживают опять-таки все: дети, родители, учителя. Никто не знает, как точно будут сформулированы темы сочинений и корректно ли они будут звучать, не запутают ли они окончательно и без того затуманенные экзаменационными переживаниями умы будущих выпускников.

Для того чтобы помочь ребятам, за перо снова взялись уфимские писатели! И пусть те тексты, которые они предлагают одиннадцатиклассникам, нельзя списать, но можно (и это главное!) позаимствовать в них идеи, теории, развить и найти свои собственные аргументы для их доказательства. И, что особенно радует, творческие работы наших прозаиков ориентированы не на заурядное, скучное толкование тематических направлений декабрьского сочинения, их сочинения адресованы тем, кто пылив, умён и хочет, чтобы с ним говорили как с развитой, самостоятельной личностью. Итак, всем уважающим себя индивидуумам посвящается!

А теперь уже совсем серьёзно. Поговорим о том, чем могут быть полезны предлагаемые ученикам и учителям, работы уфимских авторов.

Ближе всех к школьному сочинению работа Светланы Войтюк по направлению «Опыт и ошибки». Автор самостоятельно формулирует (возможный в день экзамена) конкретный вариант темы, выбранного направления: «Как Вы думаете, почему люди из похожих жизненных ситуаций выносят разный опыт?» Сочинение отличают: лёгкое и образное вступление, удачное сравнение «печального опыта других» с «прививкой от гриппа»; чёткая формулировка тезиса, что из одинаковых жизненных

---

¹ Ирина Олеговна Прокофьева родилась 10 сентября 1968 г. в Уфе. Окончила БГПИ. Старший преподаватель кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы, учитель русского языка и литературы высшей категории. Опубликовала около ста научных работ, в т. ч. два учебно-методических пособия; составитель учебной хрестоматии «Современная уфимская художественная проза (1992–2012)». Член редакционной коллегии журнала «Бельские просторы».

ситуаций мы все выносим разный опыт, но учимся на опыте «людей, которым мы доверяем»; иллюстративный литературный материал, опираясь на который раскрывается главный тезис (В. Железников «Чучело», А. Чехов «Ионыч»); ёмкие цитаты из художественных произведений; и, наконец, вывод. В конце сочинения Светлана Войтюк одновременно и возвращается к уже выдвинутому тезису («мы опираемся на опыт тех людей, которых уважаем»), и в тоже время финал работы звучит не как повтор (типичная ошибка многих ученических сочинений), а как обобщение. Минус у творческой работы только один – глагол «гнобят» («ее [Лену Бессольцеву] травят, *гнобят*, бьют, унижают»), который употребляется в сочинении автора. Мы надеемся, что ребята не станут использовать, этот популярный сегодня элемент разговорной речи.

Прозаик Игорь Савельев написал сочинение-рассуждение по направлению «Разум и чувства» с подзаголовком «Цельная личность думающего человека». Это одна из самых филологических работ, доставившая большое удовольствие наряду с эссе Светланы Чураевой. Нам кажется, данное сочинение будет полезно не только школьникам, но и учителям. Словесники могут использовать эту работу, например, как материал для обобщающей лекции при подготовке к ЕГЭ по литературе; при изучении романа «Евгений Онегин» и пушкинских традиций в творчестве русских классиков и т. п. А вот школьникам придётся потрудиться, для того чтобы в полной мере понять содержание сочинения уфимского автора. Для начала надо прочитать «Роман в письмах» А.С. Пушкина – на него во вступительной части текста ссылается Игорь Савельев, затем разобраться с понятиями «байронический герой» и «антибайронический герой», которые, впрочем, должны звучать на уроках литературы, когда учитель обращается к анализу пушкинского романа в стихах.

Ребята могут найти свои примеры в «Евгении Онегине» в пользу точного сформулированного тезиса: «Пушкинская же усмешка дала Онегину путевку в вечность. <...> Что важно, Пушкин не просто мягко иронизирует над своим героем, но и со всей беспощадностью показывает – что бывает, когда искусственные идеи, перенятые из модных книг, берут верх над человеком в его реальной жизни».

Удачным в работе Игоря Савельева является сопоставление Евгения Онегина с другим Евгением уже из тургеневского романа, как аргумент, что модель поведения пушкинского героя «чрезвычайно живуча». Хотя последний достаточно большой абзац сочинения может претендовать на начало ещё одного самостоятельного текста.

Светлана Чураева, обратившись к направлению «Победа и поражение», написала сочинение-исследование на тему «Тема победы и поражения в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”». Развёрнутое и полное, если характеризовать его как школьную работу, и сжатое, тезисное, если говорить о нём как о глубоком литературном эссе. Каждая часть сочинения – уже законченный развёрнутый текст, проиллюстрированный точными, ёмкими цитатами и анализом фрагментов романа. Жаль, но учащиеся едва ли смогут так свободно цитировать булгаковский роман, а главное, – так хорошо в нём ориентироваться. Хотя «Мастер и Маргарита» остаётся любимым произведением многих и многих школьников, эта любовь не всегда свидетельствует о глубоком понимании ребятами этого бессмертного творения.

Работу Светланы Чураевой можно рассматривать также как методические рекомендации к урокам по роману М.А. Булгакова. Актуально звучит вступление сочинения о «культе победителя» в современном обществе. Но ни деньги, ни власть, ни общественное признание не дают человеку гарантии победы. Да и победа ли это, если она замешана на пошлости, фанатерии и предательстве. Неслучайно галерея героев, которых автор сочинения относит к побеждённым, открывается Иудой, вслед за которым идут Берлиоз, Понтий Пилат, московские чинуши и др. Одерживают победу в романе М.А. Булгакова истинное милосердие и смирение, которые воплощают в себе Мастер и Маргарита, – Свет побеждает Тьму, справедливо считает Светлана Чураева.

Сочинение по направлению «Честь и бесчестье» с подзаголовком «Невольники или носители чести?» написал Юрий Горюхин. Самостоятельно сформулированная уфимским писателем тема позволяет ему глубоко и интересно рассуждать о зыбкости границ между понятиями чести и бесчестия; о ситуациях, когда человек чести (Пётр Гринёв, Николай Ростов) становится заложником её законов, например, отдавая деньги по карточному долгу нечистым на руку людям; говорить об ошибках юношеской неопытности, которые могли привести к непоправимым последствиям (несостоявшийся побег Наташи Ростовой); о Григории Печорине, которого жажда действия ведёт к тому, что он вмешивается в жизнь других героев и разрушает её.

Тон сочинения Юрия Горюхина ироничен. И ирония (вряд ли она позволительна учащимся во время экзаменационного испытания) скрадывает многие фривольности в трактовке сюжетных ситуаций из художественных произведений: «бесчестна ли Наташа Ростова, пытавшаяся сбежать с Анатолием Курагиным из-под венца?», «[Печорин] Бэлу выкрал и довел дело

до смертоубийства», «княжну Мери унизил». Такие оценки балансируют на грани фактической ошибки. Ученики должны понимать: что позволено Юпитеру, то не позволено...

Эссеистичен финал работы, в нём упоминаются библейские герои, философы, учёные, герои художественного произведения, которые делают свой нравственный выбор между честью и бесчестьем. Читая сочинение Юрия Горюхина, ребятам не раз придётся заглянуть в энциклопедический и толковый словари. Мы думаем, что школьникам не знакомы, например, библейские сюжеты или значение таких слов, как «императив» (общее нравственное предписание) и «амбивалентность» (двойственность отношения к чему-либо).

Сочинение Игоря Фролова, связанное с направлением «Дружба и вражда», – увлекательное эссе, проникнутое глубоким гражданским чувством и настоящим патриотическим пафосом. Текст работы уфимского прозаика афористичен: «<...> В высшей фазе, дружба достигает отрицания первопричины, превращаясь в готовность пожертвовать собой ради друга»; «Вражда и дружба есть диалектическая пара, которая подчиняется закону единства и борьбы противоположностей»; «Дружбу нужно воспитывать, тогда, как вражда возникает сама там, где есть что делить». Каждый из этих афоризмов ребята могут использовать как тезис для самостоятельного сочинения-рассуждения.

У эссе Игоря Фролова своя внутренняя логика, и, подчиняясь ей, автор выстраивает свои затейливые смысловые цепочки. Он размышляет об этимологии слова «дружба»; вспоминает детские песни о дружбе и сказку Р. Киплинга «Маугли», сопоставляя её главного героя с Заратустрой Ницше; даёт характеристику романов И. Гончарова «Обыкновенная история», Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей», Н. Островского «Как закалялась сталь».

В финале своей работе Игорь Фролов спрашивает: «Разве нормален человек, не извлекающий выгоды из своих подвигов, сжегший свою жизнь не ради богатства, а за народное счастье?». И сам же отвечает: «Сегодня слова про народное счастье смешно звучат и у нас, но это смех стыдливый, все равно мы остались прежними людьми – членами общества Дружбы, пусть и основательно прореженного катаклизмами последних десятилетий».

Уже не первый год, создавая текст сочинения для учащихся, уфимский прозаик не снижает «градус» интеллектуального уровня своих работ, рассчитывая на глубокого и любознательного школьника-читателя. Хотя, вновь приходится сетовать на то, что чаще всего «Маугли» Р. Киплинга большей части ребят известен по мультфильму, а не по книге. Но кто знает, а не пробудит ли эссе уфимского писателя интерес не только к произведениям

Р. Киплинга, но и к романам отечественных и зарубежных писателей, которые не входят в школьную программу?

Нам думается, трудно переоценить образовательную и воспитательную важность работ уфимских авторов. Мы считаем, что сочинения писателей в этом году призваны решить сразу несколько важных задач: пунктирно наметить возможные траектории развития текста школьного сочинения, связанного с пятью заявленными направлениями; пополнить копилку методических материалов учителей-словесников; сформировать у школьников такие важные нравственные ориентиры, как любовь к стране, в которой они живут; иммунитет к слепому подражанию новомодным идеям и к «культу победителя» любой ценой; осознание безоговорочной ценности сострадания и милосердия в нашем мире и многое другое.

Светлана Войтюк²

**Почему люди из похожих жизненных ситуаций
выносят разный опыт?**

(Направление: «Опыт и ошибки»)

Правда ли, что только дураки учатся на своих ошибках, а умные предпочитают делать это, анализируя печальный опыт других? Это что же, что-то вроде прививки от гриппа получается: несколько человек заболели, чихнули в пробирку, вирусологи выделили штаммы, создали вакцину, и вот уже остальные укололись и живут себе припеваючи?

Мне представляется, что не всё так просто. Нельзя получить прививку от всех жизненных неурядиц, только лишь следуя советам бывалых, а также рекомендациям из книг и журналов. Каждый – даже самый осторожный, самый начитанный и наблюдательный – в конце концов наступает на собственные грабли и набивает собственные шишки. Но жизненный опыт людей, которым мы доверяем, безусловно, имеет на нас влияние. Он помогает нам выбирать линию поведения и принимать решения в сложных, незнакомых нам ситуациях. Я считаю, что именно поэтому из однотипных, похожих жизненных ситуаций разные люди выносят разный опыт.

Попробую доказать эту мысль на примере двух литературных героев: Дмитрия Старцева из рассказа А. Чехова «Ионыч» и Лены Бессольцевой из повести В. Железникова «Чучело».

---

² Светлана Юрьевна Войтюк – детский писатель, член Товарищества детских и юношеских писателей России, выпускница средней школы №44 г. Уфы (1981 г.)

Шестиклассница Лена приезжает в маленький городок, не имея сколько-нибудь серьезного жизненного опыта. Она попадает в класс, где царят жестокие нравы, где понятия не имеют о сострадании и милосердии. Поначалу девочка принимает «условия игры» и отчасти подстраивается под коллектив. Вместе со всеми она смеется над одноклассником Рыжим и даже над своим дедом, которого дети дразнят Заплаточником за то, что он все свои деньги тратит на приобретение картин и ходит в одежде с заплатками. Но однажды Лена по движению души приходит на помощь своему другу Диме и берет его вину на себя, почувствовав, что он смертельно боится гнева одноклассников. За короткое время она приобретает страшный опыт: ее травят, гнобят, бьют, унижают. Девочка страдает, но продолжает верить Диме и ждет, когда он признается и спасет ее от мести одноклассников. Дима оказывается жалким трусом и подлецом, и она наконец понимает это. Вся правда о поступке Димы выясняется, но Лена отказывается мстить своему обидчику. Она говорит: «Я была на костре... И по улице меня гоняли. А я никого никогда не буду гонять... И никогда никого не буду травить». У нее есть уже опыт. И этот опыт научил ее быть милосердной. Она больше не желает подстраиваться под толпу, она не хочет быть такой же, как все: жестокой, мстительной, не прощающей ошибок. Она голосует против бойкота Диме. И тут происходит неожиданное: одноклассники тоже отказываются мстить Диме. А это значит, что Лена сумела достучаться до сердец своих, казалось бы, совершенно бездушных одноклассников. Почему Лена повела себя таким образом? Ведь всё пережитое могло бы озлобить ее. Я считаю, что ей помог жизненный опыт ее предков, портреты которых собирал дедушка и о благородстве которых он так много рассказывал внучке. Да и сам дедушка, конечно же, был для нее примером. Опыт предыдущих поколений Бессольцевых, нравственные устои семьи стали для Лены той самой прививкой благородства и великодушия, благодаря которой у нее выработался иммунитет, защитивший ее от нравственного перерождения.

Дмитрий Старцев из рассказа А. Чехова Ионыч, как и Лена Бессольцева, попадает в захолустный городок, жители которого существуют по своим правилам: они ничем не интересуются, живут скучно, у них нет высоких целей, они не стремятся посвятить свою жизнь служению людям. Поначалу молодой земский доктор был увлечен своей профессией. По крайней мере, так считала Катерина Туркина: «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам...» И он был способен влюбляться. Но очень быстро Старцев стал таким же, как все обитатели этого города: «днем – нажива, а вечером клуб». Все остальное, в том числе и работа, перестало его интересовать. Дмитрий Ионыч приобрел опыт обывательской

жизни – и сам стал обывателем. То есть он, в отличие от Лены Бессольцевой, не сумел воспротивиться опыту чужой жизни. «Чужие правила игры» стали его правилами. Наверное, это произошло потому, что у него не было мощного иммунитета против нравственной лени, в его жизни не было людей, чей опыт научил бы его противостоять бесцельной и засасывающей в свое болото обывательской жизни.

В заключение хочу добавить, что опыт – это не всегда ошибки. Скорее, опыт – это поступки. Совершая их, мы опираемся на опыт тех людей, которых уважаем. И, только совершив эти поступки, мы приобретаем уже собственный опыт. А вот каким его считать: положительным или отрицательным – каждый решает сам, исходя из собственных жизненных установок.

Игорь Савельев³

Цельная личность думающего человека

(Направление: «Разум и чувство»)

«Мы являлись на балы не снимая шпаг – нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами». – Слова из пушкинского «Романа в письмах» (точнее, слова, вложенные в уста герою) могут служить декларацией того времени, когда умами просвещенного дворянства в России владели идеалы романтизма. Эту картину легко себе представить. Сумрачные молодые люди приходят на балы для того, чтобы стоять вдоль стен, отказывая себе в любых увеселениях и – шире – в проявлении чувств. Культ самоограничения и подавления чувства во имя неких высших идеалов. Что важно: культ публичного самоограничения. Байронические молодые люди не остаются дома, а все-таки приходят в бальные залы, чтобы все видели, какие серьезные мысли, если не сказать «страдания», накладывают морщины на их лбы. И в этой демонстрации умерщвления чувства и плоти, как в капле, отражается весь идеал «русских Вертеров» и «Чайльд-Гарольдов» начала XIX века.

---

³ Игорь Викторович Савельев – журналист, писатель, критик. Финалист премий «Дебют», им. И.П. Белкина, премии журнала «Урал» за 2008 год в номинации «Литературная критика». Лауреат Государственной молодежной премии РБ им. Ш. Бабица. Член Союза писателей РБ и России. Член редакционной коллегии журнала «Бельские просторы». Выпускник средней школы № 90 г. Уфы (2000 г.).

Примерно оттуда, из того представления о роли разума и чувства (чувство должно быть подавлено во имя высших идеалов), произрастает тема страдающего героя, сознательно отказывающего себе в счастье. Эталонным русским произведением на эту тему стал, разумеется, «Евгений Онегин». Может, потому Пушкин и смог дать самый яркий и объективный портрет этой психологической, поведенческой традиции, что сам был человеком абсолютно другого склада. Холериком, который уж точно никогда не стоял у стены бальной залы, демонстрируя всем значительность и тяжеловесность своих дум о вечном. И слова Владимира (героя «Романа в письмах»), и образ Онегина не лишены оттенка насмешливого наблюдения со стороны. К счастью для нас – потомков и читателей, – Пушкин никогда (или почти никогда) не бывал чрезмерно серьезен. Сколько произведений, написанных в романтической традиции, погребены историей и забыты в том числе и потому, что их авторы относились к себе и своему поколению, своему кругу слишком серьезно, не допуская самоиронии. Пушкинская же усмешка дала Онегину путевку в вечность. Это напоминает коллизии с жанром рыцарского романа: почти все его «оригинальные» образцы, которые были на слуху у современников, прочно забыты, а пародия «Дон Кихот» жива, и, получается, питает жизнью тот пласт культуры, который когда-то высмеивала.

Для нас, читателей XXI века, рыцарь – это Дон Кихот, а романтически настроенный человек, сознательно ищущий себе страдания (вернее, готовый напустить тень страдания на чело, не в последнюю очередь в качестве дани моде) – это Евгений Онегин. Невозможно не разглядеть пушкинскую усмешку в строках: «...Короче: русская хандра / Им овладела понемногу; / Он застрелиться, слава богу / Попробовать не захотел...». Желание противопоставить разум «вредным», априори «порочным» чувствам преследует Онегина на всем его пути от Петербурга до дальнего поместья и, в конце концов, служит причиной той трагедии несовпадения, когда сначала он разбивает сердце Татьяны, а затем и сам понимает, что потерял главную любовь всей жизни. На мой взгляд, эта катастрофа случилась в жизни Онегина, прежде всего, потому, что он с самого начала был настроен на ошибочную, порочную, принятую во многом благодаря моде идею о том, что разум и чувства должны находиться в противоречии, и «победа» всегда должна оставаться за разумом. Что важно, Пушкин не просто мягко иронизирует над своим героем, но и со всей беспощадностью показывает – что бывает, когда искусственные идеи, перенятые из модных книг, берут верх над человеком в его реальной жизни.

Мне кажется, что после ироничной интонации «Евгения Онегина» уже невозможно было всерьез относиться к жесткому противопоставлению

холодного разума и пылкого чувства, и в этом смысле пушкинская поэма послужила еще и прививкой для читающей и думающей части общества, ослепленного байронической модой (кстати, чрезвычайно живучей). До середины XIX века из сторонников такого – несколько мазохистского – взгляда на жизнь сохранились только, как сказали бы сегодня, откровенные фрики, и разоблачению заблуждений одного из таких посвящена другая великая книга русской литературы – «Отцы и дети» Тургенева. Вокруг Базарова, который через весь свой внешний «нигилизм» прямо наследует сумрачным «чайльд-гарольдовцам», стоявшим у стен бальной залы, уже не осталось тех, кто сколько-нибудь разделял бы его нежизнеспособные воззрения. Коллизия Онегина, отвергнувшего свое счастье ради призрачных идеалов (в первую очередь, идеала отрицания чувств, души, любви), и сразу вслед за этим переживающего крушение этих идеалов, повторяется здесь жестче и беспощаднее. Вместо эффектного «затемнения», в которое как бы отбывает Онегин, стоящий, «как будто громом поражен», посреди дома Татьяны, – горячка и данная в подробностях мучительная смерть его тезки от тифа. Вместо статного красавца-дворянина – разночинец-чудак, режущий лягушек и окруженный непониманием, недоумением, а то и презрением. Для тех, кто не понял пагубности противопоставления разума и чувства даже и после трагической истории Базарова, Тургенев пишет о «вечном примирении» – в том числе, полагаю, примирении и этих искусственно разведенных сторон цельной личности думающего человека.

Светлана Чураева⁴

**Победа и поражение
в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»
(Направление «Победа и поражение»)**

Тема «Победа и поражение» актуальна всегда, но сегодня интересна особенно: когда в обществе упорно насаждается культ победителя, супергероя – в противовес проигравшему, «лузеру». О том, что эти понятия далеко не однозначны, говорит вся мировая литература – от стихотворения

---

⁴ Светлана Рустэмовна Чураева – поэт, прозаик, драматург, литературный переводчик. Автор нескольких книг прозы, поэзии, публицистики. Соавтор перевода на русский язык Государственного гимна РБ. Лауреат более десятка республиканских и федеральных литературных и драматургических премий. Член Союза писателей России, Башкортостана и Санкт-Петербургской ГО. Заместитель главного редактора журнала «Бельские просторы». Выпускница гимназии № 91 г. Уфы (1987 г.)

до романа. Другое дело, зачастую, уподобляясь Ивану Бездомному, алчущие победы поразительно не начитаны, и литература даёт свои уроки без них.

Поучительно наблюдать трактовку темы «Победа и поражение» в неисчерпаемом романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Она возникает там многократно и претерпевает занятные метаморфозы.

Вот, к примеру, простая, вечная и очень современная история молодого красавца, захотевшего прелестную женщину. Для победы ему оказалось недостаточно юности и красоты – нужны были деньги. Ради достижения цели влюблённый герой удачно продаёт синедриону бомжа за приличную сумму. Но когда обольщённый слух «везунчика» уже ловит шуршание одежд красавицы, его горло рассекает клинок, поделив надвое имя ускользнувшего приза: «Ни-за». Так потерпел поражение булгаковский Иуда, считавший ошибочно: тот, кто с деньгами, – победитель.

Михаил Афанасьевич в романе «Мастер и Маргарита» не церемонится с победителями – сильными мира сего, с первых страниц их ставит на место. Успешный, вальяжный, самоуверенный Берлиоз считает, будто ведёт словесный поединок с прохожим, доказывая: человек управляет и вселенной, и собственной жизнью. А на деле Сатана, его собеседник, забавляется с писателем-бюрократом как с игрушкой, демонстрируя читателю и третьему участнику сцены, Ивану Бездомному, – достаточно незначительной Аннушки, и голова, только что полная победительных планов, скатится в дорожную грязь.

Во второй главе Булгаков оставляет поединок «за кадром», описывая лишь итог противостояния личности неумолимой машине гигантской империи. И снова сильный мира сего – представитель госаппарата – уязвим до смешного: Понтий Пилат, сидящий в дорогой одежде в роскошном дворце среди бесчисленный слуг, наделённый огромной властью, не властен над банальной мигренью. Да, у стоящего перед ним избитого в кровь бродяги нет шансов против наместника великого кесаря – мы видим не поединщиков, а жертву и палача. Но осуждённый вдруг произносит распухшими от ударов губами свой приговор прокуратору: «Твоя жизнь скудна, игемон». И нет уже победителя и побеждённого, а есть два увлечённых спорщика, два собеседника. Государственный деятель переходит на сторону арестанта и, на первый взгляд, проигрывает – вместе с отведённым на казнь, которую всемогущий Пилат не смог отменить.

Роман полон и локальных сражений. Одна глава так и названа: «Поединок между профессором и поэтом». Также Булгаковым показано много боёв местного значения на территории предвоенной Москвы – когда

десант Сатаны расправляется с разномастным жульём, с чинушами всякого калибра, считавшими себя хозяевами столицы.

Лишь два персонажа романа не вовлечены ни в спор, ни в противоборство, возможно, поэтому их имена и вошли в заглавие книги – Мастер и Маргарита. Они – изначальные, вечные муж и жена – «одна сатана» – две половинки целого, воплощение любви между мужчиной и женщиной. Они всегда заодно. Причём, появившийся в тринадцатой главе главный герой немедленно заявляет о себе как о «лузере»: «Я – нищий», – говорит Мастер. И повторяет потом: «Я никто». «С низкого не так опасно падать», – ненавязчиво комментирует автор устами Воланда эту позицию.

И мы понимаем, чем, кроме всего прочего, замечателен роман «Мастер и Маргарита» – в нём Булгаков напоминает охваченным гордыней согражданам: истории противоборств не кончаются со смертью участников, окончательный счёт будет объявлен за гробом. (Даже атеисту – «Каждому – по вере его!» – трудно оспорить: результаты многих побед после смерти героев обращаются в прах.) Не случайно, одна из самых ярко выделенных сцен – сцена бала – та, где писатель живописует череду «победителей»: королей, владык, богачей, достигших при жизни успеха, но кончивших адом.

Главную «линию фронта» Михаил Афанасьевич прочерчивает с первой главы, настойчиво рассуждая о смерти и уже во второй выводя «совсем нелепую» мысль о «каком-то бессмертии»; «причём бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску». Мысль о бессмертии потому и вызывает у человека тоску, что, кроме дворца прокуратора, кроме «Дома литератора», кроме особняков и «домов скорби» есть, по Булгакову, некий труднодостижимый Вечный дом, о котором грустит в конце романа бывший поэт Бездомный. И который обретают в награду Мастер и Маргарита.

Писатель в романе упрямо идёт против течения времени: то и дело возникают в повествовании остановившиеся часы, сломанные часы... Кот Бегемот заявляет ошалевшему гражданину: «Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной», – то есть всякая фиксация времени, по Булгакову, иллюзия.

Время – орудие смерти. Смертный Булгаков сражается с ней, заговаривая её, отрицая её верховенство. «Разве для того, чтобы считать себя живым, нужно непременно сидеть в подвале, имея на себе рубашку и больничные кальсоны?» – вопрошает он, вновь через Воланда. Жизнь гораздо шире заурядного земного бытия, уверяет Михаил Афанасьевич.

Рассуждая о победе и поражении в романе «Мастер и Маргарита», нельзя обойти вниманием ещё одну пару главных героев – Иешуа Га-Ноцри и Воланда. Если казнённый с попустительства Пилата философ – это

библейский Христос, то не избежать попадания на поле «официального» христианства. Оно представлено в романе фигурой Левия Матвея. Бывший сборщик податей, по версии Булгакова, собственно, и создал христианство, записывая и «перевирая» слова своего Учителя. И Левий на Воланда смотрит с христианской позиции – как на основного врага. Но – в том-то и дело! – наиглавнейшие антагонисты Христос и Сатана в романе «Мастер и Маргарита» выведены, скорее, союзниками, никак не врагами. Один представляет собой свет, второй – воплощение тьмы, но они гармонично дополняют друг друга, даже делят «зоны влияния»: Воланд главенствует в подлунном мире, а Га-Ноцри – в призрачном лунном сиянии, в виртуальном пространстве написанного Мастером романа. Булгаков, подобно последователям многих ересей, без колебания отдаёт временный дом земного бытия во власть дьявола, где тот хозяйничает безнаказанно и, что удивительно, порой справедливо.

Многие критикуют роман Булгакова именно за это: справедливость торжествует, зло побеждено, но – руками Сатаны! «Всесилен! Всесилен!» – восклицает продавшая душу дьяволу Маргарита. Иешуа через своего посланника просит Воланда устроить судьбу Мастера – уподобляясь нижестоящему. Как же так? Неужели основной победитель – князь Тьмы?

Что ж, во-первых, ни на мгновение нельзя забывать: мы рассматриваем, всё-таки, не библейских персонажей, не Христа и дьявола, а литературных героев книги писателя первой половины XX века Михаила Булгакова. Он создал не собственное вероучение, даже не богословский трактат, а роман.

Во-вторых, даже в своеобразной булгаковской трактовке, как ни крути, Христос всё же побеждает. Вспомним внимательнее хотя бы в главных героев. «Ведьма» Маргарита в финале отчаянной битвы за обретение любимого, когда ей достаточно произнести пару слов для победы, совершает неожиданный поступок, практически подвиг – просит помиловать Фриду. И утверждает тем самым один из важнейших постулатов христианства – милосердие важнее справедливости. (Справедливость ведь не случайно у Булгакова торжествует с помощью Сатаны.) Мастер же неотступно провозглашает не менее важный христианский постулат – смирение. Но главное, первая фраза Га-Ноцри, записанная Левием, гласит: «Смерти нет». «Казни не было», – утешает Пилата живой Иешуа. То есть человек не властен над жизнью, как и доказал в начале романа Воланд, но он властен над смертью – как доказал воскресший Га-Ноцри.

В конце романа – в канун воскресения – чёрный Сатана вместе с воронами конями и свитой проваливается в тартары, лунный свет заливают

мир. И Воскресение приходит в него, символизируя непреходящую победу Света над Тьмой.

Юрий Горюхин⁵

Невольники или носители чести?

(Направление: «Честь и бесчестье»)

Честь. Бесчестье. Казалось бы, что может быть более определенным и однозначным?

Все мы помним эпиграф к повести Пушкина «Капитанская дочка» – «Береги честь смолоду» и на своем жизненном опыте, большом или малом, убедились в безусловной правде этой поговорки. И знаем: когда у выпускника Царскосельского лицея возникнет дилемма чести или бесчестия, то это будет выбор между жизнью и смертью. «Погиб поэт! – невольник чести», – написал тогда на смерть Пушкина Лермонтов и через четыре года стал таким же невольником. Конечно, не все люди – поэты, не все они невольники чести – и слава Богу! Иначе народонаселение нашей планеты катастрофически убавилось бы.

Но посыл наших размышлений был в некотором сомнении по поводу однозначности определения чести, и, чтобы продолжить разговор, нам не обойтись без антиподов – людей бесчестных. Без тех самых негодяев, которых Данте в своей «Божественной комедии» поместил в восьмой и девятый круги Ада. Зеркальными отражениями они всегда рядом с людьми чести, и многие писатели, такие, как Виктор Гюго, оттеняя благородство положительных персонажей, часто дарят им счастливую безбедную старость, что, очевидно, жизненно не верно, но, как литературный прием французского романтизма, эффектно.

Все же вернемся к Александру Сергеевичу. Поступки честных людей: главный герой «Капитанской дочки» Петр Гринев, прежде чем встретиться с бесчестным Швабриным, сталкивается в бильярдной с ротмистром, который его напаивает и обыгрывает. Подлость ротмистра по своей значимости не

---

⁵ Юрий Александрович Горюхин – прозаик. Финалист Национальной литературной премии Ивана Петровича Белкина (лучшая повесть года, 2002). Финалист премии имени Юрия Казакова (лучший рассказ года, 2003, 2005). Лауреат литературной премии имени Степана Злобина (2009). Шорт-лист Всероссийской литературной премии имени Бажова (2012). Шорт-лист Международного литературного Чеховского конкурса «Краткость – сестра таланта» (2013). С 2007 по настоящее время – главный редактор журнала «Бельские просторы». Член Союза писателей России с 1999 года. Председатель Объединения русских писателей Союза писателей РБ. Член правления Союза писателей РБ. Член бюро Исполкома Собора русских Башкортостана. Член редколлегии журналов «Молоко» (Москва) и «Гипертекст» (Уфа). Выпускник средней школы № 5 г. Уфы (1983 г.)

идет ни в какое сравнение с подлостью Швабрина, которому, как предателю, «светит» только девятый круг Ада, но, тем не менее, Гринев именно ему отдает свой первый долг чести – сто рублей за проигрыш. Ситуация может показаться комичной, но сразу вспоминается другой проигрыш, другой долг чести: Николай Ростов в романе Толстого «Война и мир» проигрывает в карты своему приятелю Федору Долохову, о котором ходят слухи, что он шулер, сорок три тысячи рублей – целое состояние по тем временам – и отец Николая старый Ростов ездит по Москве собирает эти деньги, потому что не отдать их нельзя – честь! Мы видим, как люди становятся не только невольниками чести, но и ее заложниками, на радость шулерам и проходимцам! И ведь на алтарь чести кладутся не только средства к существованию! Так, в XVII веке во Франции на дуэлях «за честь» людей гибло больше, чем на войне, по сути это было обычным убийством менее умелых фехтовальщиков более умелыми, и не факт, что у всех умелых при этом была честь.

Теперь рассмотрим бесчестные поступки. Бесчестна ли Наташа Ростова, пытавшаяся сбежать с Анатолием Курагиным из-под венца? Поразмышляв, мы, возможно, сказали бы да, если бы Толстой не предотвратил окончательное падение любимой героини и не помешал своею властной писательской рукой побегу. Но, как известно, жених Наташи Андрей Болконский не смог простить «падшую женщину», может быть, поэтому и погиб по воле Льва Николаевича... А Пьер Безухов осознал, что не все измеряется «аршином общим», стал счастливым отцом семейства, и к концу романа мы вместе с ним никак не можем представить мать четырех детей бесчестной.

Другой герой нашего времени – Печорин из романа Лермонтова. Вроде бы по всем параметрам человек без чести: Бэлу выкрал и довел дело до смертоубийства, Грушницкого на дуэли убил, княжну Мери унизил, сделал несчастной, в жизнь таманских контрабандистов влез – и разрушил. Но ведь не поднимается рука, чтобы безапелляционно заклеить и тут же отправить его в Дантов ад!

Так что же такое честь, что есть бесчестие? Когда зародился этот моральный императив? Быть может, все началось, когда сын Адама Каин, позавидовав брату Авелю, убил его или когда Исав всего лишь продал за чечевичную похлебку свое первородство близнецу Иакову?

Внеся сомнения в сердце, запутав ум, необходимо все расставить по своим местам. В обычной вялотекущей жизни полутоннов, амбивалентности и прочего дуализма может быть сколько угодно, но наступают моменты, когда Сократ выпивает чашу с цикутой и остается в веках Сократом; Джордано

Бруно всходит на костер и Земля начинает вращаться вокруг Солнца; Сотников Василя Быкова гибнет за единственно возможную правду, ну а скамейку из-под ног у него выбивает напарник партизан, для которого честь заключается только в его собственной жизни и не более.

Игорь Фролов⁶

«Если друг оказался вдруг...»
(Направление: «Дружба и вражда»)

Слова, которыми мы пользуемся для называния тех или иных предметов, качеств, явлений, часто бывают содержательнее длинных рассуждений. Поэтому начнем с этимологии. «Дружбу» в поисках смысла глубоко бурить не нужно, – понятное дело, что друг, в первую очередь, это другой – не ты, а второй, третий, пятисотый – можно сказать, соратник, отсюда и «дружина». Казалось бы, этого вполне достаточно, однако никто не отменял озарений. Слова «друзья» и «друза» – явно родственники: в переводе с немецкого *dfuse* означает «щетка» – в минералогии так называют сросшиеся вместе кристаллы. Этой щетки я, кстати, не ожидал, но сразу вспомнил – «что русскому здорово, то немцу – смерть» – и успокоился: схема-то у щетки и у дружины одна – волосок к волоску, копые к копыю – единство элементов множества, синхронность и синфазность.

Итак, этимология показала, что в дружбе необходимым являются единство и со-направленность двух и более претендующих называться друзьями людей. Но этого мало для настоящей дружбы. Однокоренное «дружина» указывает на важнейший признак, отличающий истинных друзей от, скажем, приятелей.

Что первое приходит нам, выросшим в советское время, на ум при словах «дружба», «друг»? Лично у меня сразу всплывают две песенки – детская и недетская. Цитата из первой: «Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями – много». Цитата из второй: «Друг всегда уступить готов место в лодке и круг», – вот два, как принято говорить в естественных науках, условия – необходимое и достаточное – дружбы. Необходимое условие – для дружбы нужен второй, третий, энный (количество не ограничено) индивид.

---

⁶ Игорь Александрович Фролов – прозаик, член Союза писателей РБ и России. Финалист литературных премий им. И.П. Белкина, И. Бунина, А. Чехова и др. Служил в ВВС СССР вертолетчиком, воевал в Афганистане. Редактор отдела критики журнала «Бельские просторы». Награжден орденом "За службу Родине" 3-й степени, медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР». Выпускник средней школы № 1 г. Алдана Якутской АССР (1980 г.)

Достаточное условие – ты должен быть готов не только поделиться с другом всем, что есть у тебя, но и – высшая точка дружбы – отдать самое дорогое: не только любимую, но и жизнь! Дружба оказывается не так легка и безопасна: казалось бы, призванная усилить и, тем самым, сделать тебя неуязвимее («на медведя я, друзья, выйду без испуга, если с другом буду я, а медведь – без друга»), она, дружба, в любой момент может потребовать от тебя, как сказал другой поэт по другому поводу, «полной гибели всерьез». И если в своем истоке – пусть и не осознаваемом – дружба есть выгода, усиление слабых, то в своем развитии, в высшей фазе, дружба достигает отрицания первопричины, превращаясь в готовность пожертвовать собой ради друга.

Из двух приведенных цитат видно, что дружба – понятие не самостоятельное. Как точно сформулировала Фаина Раневская: «Против кого дружите, девочки?» – и эта точность сразу высвечивает парадокс дружбы как производной от вражды. Дружат не только против людей, но и против зверей, сил природы, против скуки, против врага любых родов и видов. Человек, как и любое живое существо, с рождения вступает в борьбу с внешним миром – борьбу за существование. Можно ли назвать отношения ребенка и родителей, помогающих ему выживать, дружбой? Если принять, что мир, в котором новорожденный не может самостоятельно добыть ни пищи, ни безопасности, явно враждебен ему, то ответ на вопрос о родителях-друзьях должен быть положительным. Таким образом мы с достаточным приближением доказали, что вражда и дружба есть диалектическая пара, которая подчиняется закону единства и борьбы противоположностей.

Пусть и запоздало, но обратимся к происхождению слова «враг». Здесь нет такой ценностной вилки, как в случае с немецкой щеткой и русской дружбой. Пранемецкое «varg» означает «злой», «преступник», на финском – «вор». Варг – варяг – враг: цепочка метаморфоз предельно коротка, и как бы старорусское «ворог» (он же «дьявол») уже выглядит новоделом. Вообще же, в историческом контексте немецкая родословная вражды нам более понятна, нежели дружбы.

Если перейти от лингвистических изысканий к литературным иллюстрациям, то, на мой взгляд, просто, сильно и точно идея единства и взаимопорождения дружбы-вражды отражена в «Книге джунглей» Редьярда Киплинга, в части о Маугли. Сам Маугли – детеныш человеческий – становится предметом раздора между тигром Шерханом и волчьей стаей, примкнувшей к медведю Балу и пантере Багире (к слову, в оригинале – самец черного леопарда, а вовсе не прекрасная самка из русского перевода, и эта странная транссексуальность вносит в киплинговскую идею чисто мужского братства-ордена эротические оттенки). Шерхан (враждебный мир) хочет

просто съест Маугли, тогда как Балу и Багир(а) (приемные родители) декларируют, что человек и звери – одной крови. Интересно, что поначалу Балу платит стае волков, чтобы они не встали на сторону Шерхана, то есть, волки вполне могли оказаться врагами, Это хороший пример, что дружба – понятие более культурное в прямом смысле – культивируемое, – чем вражда. Дружбу нужно воспитывать, тогда как вражда возникает сама там, где есть что делить.

«Мы с тобой одной крови» – такая же формула дружбы, как девиз четырех мушкетеров: «Один – за всех, и все – за одного!». Идея дружбы есть идея коллективизма, а не стаи – стая идет за вожаком, а не за идеалом. Недаром Балу, Багира и волки во главе с Маугли побеждают не только могучего одиночку-тигра (чей девиз – «Каждый – сам за себя»), но и стаю непобедимых доселе рыжих собак. Киплинг показывает, насколько неоднозначны вражда и дружба. Даже такого смертельного врага, как Шерхан, Маугли уважает – после смерти тигра он не позволяет людям забрать его шкуру, и насылает на селение, где родился сам, буйволов и слонов – снести и растоптать.

На неоромантика Киплинга оказал влияние его старший современник Ницше. И, когда читаешь историю Маугли, не оставляет ощущение, что это приквел книги Ницше «Так говорил Заратустра». Маугли – юный Заратустра, воспитанный зверями в их честном и сильном мире, уходит в слабый и лукавый мир людей, чтобы уйти из него в горы уже ницшеанским сверхчеловеком, поднимается на шесть тысяч футов, сопровождаемый зверями, – цикл завершен.

«А причем тут сверхчеловек? – спросит проверяющая инстанция. – Он – по ту сторону Добра и Зла, а значит, и Дружбы и Вражды...»

Да, Маугли, живущий в полной гармонии с миром животных, превращается в среде людей в Заратустру – в сверхчеловека, враждебного всему человеческому роду, самому понятию дружбы, то есть взаимопомощи: слабый должен умереть, пусть выживет сильнейший, даже если он останется один. Превращение Маугли – символа дружбы – в Заратустру происходит с той же необходимостью, с которой в «Обыкновенной истории» Гончарова восторженный Адуев-племянник превращается в циничного Адуева-дядю. Я не случайно «перевел стрелку» с западной литературы на русскую. У нас есть свой сверхчеловек, и создал его Максим Горький. Первый пролетарский писатель в молодости так любил Ницше, что отрастил точно такие же, как у кумира, усы. И написал сказку про Данко, который сжег свое сердце, чтобы вывести племя людей из тьмы на свет. И Данко сделал это бескорыстно – люди даже не оценили его жертву, растоптав тлеющий уголек, оставшийся от

сердца сверхчеловека. Уточню – русского сверхчеловека, который, в отличие от Заратустры, использует свою силу для помощи слабому и лукавому человечеству, воплощая чистую – без материальной и моральной корысти! – идею Дружбы. Иными словами, Заратустра и Данко противоположны в своих отношениях к роду человеческому: Заратустра приносит в жертву всех, оставаясь один, тогда как Данко умирает сам, спасая людей. И это не индивидуальные позиции двух авторов этих героев. Это – две философии, две ментальности, две установки двух коллективных бессознательных двух обществ – Вражды и Дружбы. Так и хочется вернуться к Киплингу и повторить знаменитое «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им...» Конечно, Восток у Киплинга – Индия, скорее, Юг, я же подразумеваю под Востоком ту страну, которая первой вывела на орбиту вокруг Земли космический корабль с человеком на борту, и корабль по неслучайному совпадению назывался «Восток»...

В экономических координатах можно очень легко определить отличие общества Вражды от общества Дружбы. В одном властвует свободная конкуренция, девиз которой – тот же закон джунглей: каждый – сам за себя. В другом – общественная собственность на средства производства, когда «все вокруг – колхозное, все вокруг – мое». Но мы пишем текст литературоцентричный, поэтому противопоставлю две книги, написанные в разных частях света.

Джон Стейнбек, «Зима тревоги нашей». Главный герой книги, как ни старался сохранить честность и чистоту в мире той самой свободной конкуренции, где человека постоянно преследует страх потерять работу, заболеть, остаться без средств, – в итоге почти намеренно убивает своего друга, чтобы завладеть его собственностью, предаёт людей, делавших ему добро... И пускай у героя Стейнбека еще осталась совесть, и она мучает маленького человека, толкая даже на попытку самоубийства, – это не отменяет главного: тот мир живет по закону Шерхана и рыжих собак.

Вторая книга – «Как закалялась сталь» Николая Островского. Ее герой отдает жизнь борьбе за дело революции. Он выходит из боев Гражданской инвалидом, теряет подвижность, слепнет – и делает единственное, что еще может: пишет книгу, которая и станет светом его сердца, отданного людям.

С точки зрения западного полушария, Павка Корчагин болен не только телом, но и душой. Разве нормален человек, не извлекающий выгод из своих подвигов, сжегший свою жизнь не ради богатства, а за народное счастье. Сегодня слова про народное счастье смешно звучат и у нас, но это смех стыдливый, все равно мы остались прежними людьми – членами общества

Дружбы, пусть и основательно прореженного катаклизмами последних десятилетий.

И совершенно закономерно, что Запад и Восток сходятся вместе только в битвах, а не слияния для. Сегодня это столкновение снова колеблет мир. Это вечная борьба Шерхана и Маугли. Хочу пожелать, чтобы вечность не кончалась – даже нашей победой. Иначе Маугли с неизбежностью превратится в Заратустру.